

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНОПСИХОЛОГИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (С.Щипачев, "Березовый сок")

ARTISTIC REFLECTION OF ETHNO
ELEMENTS IN THE AUTOBIOGRAPHICAL
TEXT (S.Schipachev, "Birch juice")

Z. Yahyaeva

Annotation

The article discusses the features of the artistic reflection ethnopsychology elements in the creative consciousness and autobiographical text S.Schipacheva, the aim is the analysis of the motives and the reasons for resorting to the writer of this issue. The urgency for S.Schipacheva in his childhood, adolescence, youth, maturity of the national character of the national problem. In the book "Birch sap" assessed the facts manifestations of atmospheric folk beliefs, traditions, legends, children's games as examples of traditional folk culture. The paper compares S.Schipacheva prose and poetry, considered images of children as bearers of ethno elements.

Keywords: autobiographical, lyrical-epic prose, ethnic psychology, realism, detail, the atmosphere of folk beliefs, traditions, legends, poetic consciousness.

Яхьяева Зухра Идрисовна
К.ф.н., доцент,
Чеченский государственный
педагогический университет,
г. Грозный

Аннотация

В статье рассматриваются особенности художественной отражения элементов этнопсихологии в творческом сознании и автобиографическом тексте С.Щипачева, ставится цель анализа мотивов и причин обращения писателя к данной проблематике. Отмечается актуальность для С.Щипачева в его детстве, отрочестве, юности, зрелости проблемы национального народного характера. В книге "Березовый сок" оцениваются факты проявления атмосферы народных поверий, преданий, легенд, детских игр как примеров традиционной народной культуры. В работе проводится сопоставление прозы и поэзии С.Щипачева, рассматриваются образы детей как носителей элементов этнопсихологии.

Ключевые слова:

Автобиографическая, лиро-эпическая проза, этнопсихология, реализм, деталь, атмосфера народных поверий, преданий, легенд, поэтическое сознание.

Произведения художественной литературы на всем протяжении ее развития исследуют этнические особенности психики людей, национальный характер, закономерности формирования и функции национального самосознания.

В литературных текстах, особенно созданных в таких содержательных формах, как "роман воспитания", "автобиографическая повесть о детстве" зачастую присутствует серьезное отражение этнопсихологии и этнопедагогики, которые стремятся "вывести свойства национального характера из так называемой "базовой", или "модальной", личности, которая в свою очередь ассоциировалась с типичными для данной культуры методами воспитания детей".

Так, например, "этнопедагогика чувашского народа – величественная энциклопедия духовной жизни чувашского народа", – отмечал Педер Хузангай, народный поэт Чувашии. "Воспитание и развитие традиционного трудолюбия детям внушалось, что труд – источник человеческого существования, опора жизни, основа счастья. "Вут хутмасар сакар писмест, еслесе писмесер сурт-йер пулмасть" – "Не истопив печь, хлеба не испечешь". С малых

лет дети слышали поговорки и пословицы о роли труда. Глубокий смысл в пословице, много веков назад ставшей девизом жизни чувашского крестьянина: "Ес – пурнас тыткачи" – "Труд – основа жизни".

Детская среда, народная педагогика, прилагала большие усилия к тому, чтобы у детей было много радости и веселья: "Самрак чухне выльар, кулар, укенмелле ан пултар!" – "Пока молоды, играйте. Веселитесь, смейтесь, чтобы потом не раскаиваться!". Но в играх не только веселье и радость, они имеют важное значение в физическом, художественном и нравственном воспитании.

В данной статье рассматриваются особенности этнопсихологии на материале лирической повести о детстве С.Щипачева "Березовый сок". Степан Щипачев (1899 – 1980) – это русский поэт советского периода, который в общественном сознании воспринимался как принадлежащий, в основном, к лагерю социалистического реализма.

Вместе с тем очевидно, что этот поэт на самом деле не был прямолинейным пропагандистом такой линии. Так, известно, что "в поздние сталинские времена Щипачёв выделялся на общем фоне благодаря этим первоначаль-

ным лирическим элементам (теме любви, природы) в своей поэзии". В то же время большинство его стихов, по достаточно объективному замечанию В.Казака, "ограничены развитием одной какой-нибудь простой мысли, его сентенции звучат несколько банально... Короткие стихи Щипачёва снискали большее признание, чем его поэмы: благодаря их лаконичности меньше ощущается недостаточная музыкальность поэта и скупой запас слов".

Куда более значимой в содержательном и художественно-эстетическом плане оказалась для С.Щипачева его лирическая "повесть о детстве" "Березовый сок" (1965). "Жанровая и композиционная свобода, раскованность прозаического творчества поэтов проистекает именно из потребности в свободе выражения мыслей, чувств, впечатлений, из потребности отразить всё как можно более естественно, непосредственно, более всесторонне". В своей повести автор воспроизводит органичный мир повседневной жизни уральской деревни в предреволюционный период, в котором в самой простой и типичной (и одновременно очень характерной в плане народной этнопсихологии) крестьянской семье рождается, растёт и формируется как личность будущий поэт.

В автобиографической повести С.Щипачева "Березовый сок" вполне реалистическая, насыщенная яркими деталями картина крестьянского труда и быта обогащается атмосферой народных поверий, преданий, легенд, что, в том числе, способствует и созданию поэтического сознания юного автобиографического героя: "Больше всего любили мы слушать, усевшись где-нибудь между возами, как Балай рассказывал собравшимся мужикам об утопленниках, о русалке, которая живет на мельнице под водяным колесом и в лунные ночи выходит во всем белом из клокочущей пены".

Поначалу довольно безоблачная картина "мира детства" героя постепенно нарушается разного рода контрастами, к этому все больше приводит соприкосновение с "миром взрослых" (Безусловно, эти два "мира" не существуют в книге изолированно). Среди этих взрослых были люди, которые прививали деревенским ребятишкам любовь к родине, природе, родному языку, народной поэзии. Герой автобиографической книги испытывал на себе воздействие народной этнопедагогики, нравственности, получал от них уроки мудрости, справедливости, доброты.

Несколько особое место среди взрослых занимает незаурядная личность деревенского выдумщика и охотника, яркого носителя национального художественно-мифопоэтического сознания, Балай, которого за способность жить не так, как все, деревенское общественное мнение считает колдуном. Народ относится к нему с некоторым трепетом, даже страхом и, в то же время, – завистью, уважением. Так, его непременно приглашают на

свадьбу, чтобы он, вдруг обидевшись, не наслал порчу на молодых. Надо оказать, что сам Балай не спешит разуть этого мнения односельчан, поддерживает свою мистическую репутацию колдуна.

И лишь дети, как уже давно замечено народной мудростью и литературой ("Устами младенца глаголет истина") ситуация в сказке Г.Х. Андерсена "Новое платье короля"), и, прежде всего, главный герой книги, довольно скоро выясняют для себя истину, сумев непредвзято взглянуть на этого человека, "в глазах которого постоянно светилось лукавство и озорство". "Недаром прильнуло к нему это прозвище: Балай".

Именно дети, в силу своей пронзительности и неиспорченности суевериями и предрассудками и, одновременно, некоего внутреннего родства с персонажем, оказываются более верно, чем взрослые, видящими истину, суть вещей.

Образы взрослых в книге даются не как некая портретная галерея, а всегда раскрываются для героя в связи с каким-либо событием, в конкретных ситуациях. В "Березовом соке", в отличие от, к примеру, автобиографической трилогии Н.Рыленкова и аналогичной книги М.Исаковского, нет глав, "монографически" посвященных тем или иным образам взрослых людей.

В. Дементьев отмечает в своей книге "Личность поэта. По страницам советской литературной эпохи 1917–1987 годов" (2:198), что образы детей (не считая главного героя) автору "Березового сока" удались меньше, чем образы взрослых. С этим, по нашему мнению, нельзя согласиться. Не умаляя значения в повести образов взрослых, мы должны признать, что "мир детства", характеры его представителей в автобиографической книге С.Щипачева раскрыты полнее и ярче, чем в аналогичных произведениях Н.Рыленкова и М.Исаковского, в которых "мир детства" ограничен практически исключительно образами главных героев. Детям в книге С.Щипачева отведена чрезвычайно важная роль. Они нередко оказываются добрее, наблюдательнее, разумнее взрослых, менее зашорены и подвержены суевериям и предрассудкам. Мастерство С.Щипачева в раскрытии детских характеров явно недооценено.

Правдивый рассказ о детстве – своем и чужом – в повести нигде не звучит в минорной тональности, однако в душе читателя вызывает нередко ощущение боли, впрочем, не "перекрывающей" оптимистического настроения книги: "Как только солнышко начало пригревать по-весеннему и под окнами освободилась от снега черная сырая земля, удержать меня в избе было невозможно. Я босиком выбежал за ворота, усаживался на завалинку и подставлял лицо теплему солнцу... Звенели первые ручьи,

неся в себе навозную жижу и небесную голубизну. От воды и ветра, от снега и студеной весенней земли ноги у меня вовсе становились черными и покрытыми сплошными трещинками – "цыпками". Этот пронзительно яркий фрагмент, содержащий в себе такой интересный контрастный образ: "...навозную жижу и весеннюю голубизну" имеет и стихотворный аналог. Нетрудно заметить, что лексически и стилистически стихи несколько беднее прозы, они оказываются всего лишь зарифмованным рассказом, тогда как проза поэта отличается большей полноценностью – конкретностью, образностью, смысловой насыщенностью.

Сопоставление прозы и поэзии С.Щипачева несколько отвлекло нас от разговора об образах детей, лаконичные и яркие характеры которых один за другим дает С.Щипачев в своей книге. Несмотря на то, что мальчики были до полусмерти замерзшие, они "запруживали ручьи и взапуски бегали по дороге, где еще лежали потемневшие ледяные корки". Однажды, когда Степанко и Санько пускали в ручей спичечную коробку и смотрели, далеко ли она доплывет, к ним подошел Гришка. "Он остался с нами играть, и мы с завистью поглядывали на него: он был в сапогах... он нарочито ступал на ледяные корки и даже в неглубокие лужи". Этот фрагмент передает и детскую психологию, и формирование еще неосознанных социальных представлений. Особое место среди товарищей занимает сын "колдуна" Балая Тимка, умелый и изобретательный подросток. "... Хотя, играя "в войну", Тимка всегда заставлял нас быть "японцами", и больно колотил галкой, мы терпели и по-прежнему тянулись к нему: ведь он умел стрелять из настоящего ружья, и отец часто брал его с собой на охоту". Это и служило причиной небывалого авторитета Тимки среди ребят.

Подлинную же силу мальчишеской дружбы испытывает на себе юный герой в наиболее тяжелые периоды своей жизни – во время работы в батраках и на асбестовых

приисках. Старшие ребята помогают ему выдержать все тяготы, помогают разобраться в людях, в подлинных и мнимых человеческих ценностях. Так, уже в финале книги одиннадцатилетний герой во время работы на прииске получает резкую проповедь от старшего товарища Фролки за то, что он дразнил татарских ребяташек. Ярко и динамично показано в книге участие ребят в забастовке. Пусть эта забастовка лишь дала выход стихийной активности ребят, до поры сдерживавшейся ими, но несомненно, что это выступление послужило сплочению, не только чисто личностному, но и межличностному, интернациональному, детей и подростков.

Социальному взрослению лирического героя уделено внимание и в автобиографических стихах С.Щипачева. В этих ключевых строках намечена одна из важнейших тем авто – биографической книги – судьба истории и судьба детей. Ведь детство и отрочество героя приходится на первое десятилетие XX века – период классовых битв, "стольпинской реакции", Первой мировой войны. А так далеко, казалось бы, было от путей истории небольшое уральское село, в котором происходит действие повести, однако и его коснулись многие важнейшие процессы эпохи – усиленная капитализация русской деревни, расслоение крестьянства. И книга С.Щипачева отличается конкретностью и остротой отражения социально-политических и духовно-нравственных противоречий. Это роднит ее с автобиографическими произведениями Федора Гладкова и Василия Смирнова.

Проведенное исследование автобиографической лиро-эпической прозы С. Щипачева позволяет увидеть в ней элементы этнопсихологии. В подобных произведениях художественно анализируются и ценностные ориентации народной культуры; неразрывно связанные с соответствующими разделами этнографии, фольклористики, искусствоведения и т. п.; в них рассматриваются и этнические особенности социализации детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь. – М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
2. Дементьев В. Личность поэта. По страницам советской литературной эпохи 1917–1987 годов. М. 1987. 430 С.
3. Казак В. Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / [пер. с нем.]. – М. : РИК "Культура", 1996. – XVIII, 491,
4. Степанова, Т.М., Аутлева Ф.А. Автобиографистика И. Машбаша в контексте прозы поэта // Символ науки. – Уфа: "Омега Сайнс", 2015. – С. 183–188.
5. Щипачев С. П. Берёзовый сок. Повесть о детстве, М. 1986. 202 с.